

Научная статья
[https://doi.org/ 10.24412/2713-1742-2024-2-11](https://doi.org/10.24412/2713-1742-2024-2-11)
УДК 94 (47+57)(571.6)

ПРОБЛЕМА НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ КОРЕЙСКОЙ МИГРАЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920Х ГГ.: ПРИЧИНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Пикалов Ю.В.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Цель: исследование исторического опыта деятельности органов власти Дальневосточного края по смягчению негативных последствий неконтролируемой корейской миграции в южные районы края во второй половине 1920-х гг. Методы: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, структурный. Результаты: исследован массив исторической литературы и архивных источников, определены основные угрозы органам советской власти Дальнего Востока со стороны неконтролируемой корейской миграции во второй половине 1920-х гг. Рассмотрены принципиальные отличия корейской миграции от китайской и японской. Выявлены основные причины беспокойства органов власти Дальневосточного края неконтролируемой корейской миграцией. Очерчены основные направления деятельности органов советской власти по преодолению возникших с корейской миграцией проблем. Выводы: попытки органов власти решить проблему корейских мигрантов путём уговоров о добровольном их переселении в северные районы выше 48 параллели не дали нужного результата. Главной причиной этой неудачи в политике органов власти стало сокрытие истинных мотивов переселения, которые имели не экономический, а политический характер.

Ключевые слова: корейские мигранты, неконтролируемая миграция, перспективы переселения на Дальний Восток, безопасность дальневосточных рубежей СССР.

THE PROBLEM OF UNCONTROLLED FOREIGN MIGRATION TO THE FAR EASTERN REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1920S: CAUSES AND SOLUTIONS

Yuri V. Pikalov

Pacific State University

Abstract. Object: to study the historical experience of the authorities of the Far Eastern Region in mitigating the negative consequences of uncontrolled Korean migration to the southern regions of the region in the second half of the 1920s. Methods: historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative, structural. Results: an array of historical literature and archival sources has been studied, the main threats to the Soviet authorities of the Far East from uncontrolled Korean migration in the second half of the 1920s have been identified. The fundamental differences between Korean migration and Chinese and Japanese migration have been considered. The main reasons for the concern of the authorities of the Far Eastern Region about uncontrolled Korean migration have been identified. The main directions of the activities of the Soviet authorities to overcome the problems that arose with the Korean migration are outlined. Conclusions: attempts by the authorities to solve the problem of Korean migrants by persuading them to voluntarily resettle in the northern regions above the 48th parallel did not give the desired result. The main reason for this failure in the policy of the authorities was the concealment of the true motives of resettlement, which were not economic, but political in nature.

Keywords: Korean migrants, uncontrolled migration, prospects for resettlement to the Far East, security of the Far Eastern borders of the USSR.

Введение.

Актуальность темы объясняется тем, что неконтролируемая или псевдо контролируемая

мая миграция из-за рубежа стала острой проблемой современной России. В этом смысле, может быть полезным исторический опыт попыток разрешения миграционных кризисов в различных регионах страны.

Наиболее остро проблема иностранной миграции проявилась во второй половине 1920-х гг. на территории Дальневосточного края (ДВК). Проблема корейской миграции издавна интересовала российских исследователей. Однако следует отметить, что труды по данной проблеме, увидевшие свет по свежим следам событий – во второй половине 1920-х гг., естественно, принадлежали не историкам, а экономистам, географам и исследователям производительных сил Дальнего Востока.

Известный исследователь российского Дальнего Востока В.К. Арсеньев, в ходе своих экспедиций, не раз сталкивался с корейским населением в южных районах региона. Он давал описания их поселений, агрикультур, внешнего вида и рода занятий [1].

Экономисты и хозяйственники рассматривали проблему корейской миграции с точки зрения её колонизационной и хозяйственной роли в экономической жизни края. К ним можно отнести П.А. Кобзева, П.Я. Дербера и М.Л. Шера [2].

Особая роль в освещении жизни корейской диаспоры российского Дальнего Востока второй половины 1920-х гг. принадлежит материалам обследования состояния школьного дела корейских мигрантов [3]. Корейские школы по количеству заведений шли на втором месте после русских, поэтому привлекали пристальное внимание соответствующих структур. В этот же период времени стали появляться и работы, непосредственно посвящённые изучению корейского населения дальневосточного региона России. К ним надо отнести труды С.Д. Аносова и А. Петрова [4].

Основными характеристиками выше указанных работ стали: отсутствие анализа проблем корейского населения, оценок опасности корейской миграции. Главным их содержанием стало описание корейского населения в общей канве хозяйственного и культурного развития региона.

Весь советский период отечественной историографии корейской миграции эта тема не получила широкого освещения. Более того, складывалось впечатление о её замалчивании, в особенности в период позднего СССР. Связано это было, прежде всего, с депортацией корейцев

в 1937 г. с территории советского Дальнего Востока.

Как известно, проблемы депортации народов СССР практически не освещались в исторической и иной литературе. Неудивительно, что в постсоветский период эта проблема подверглась более пристальному вниманию исследователей. Прежде всего, хотелось бы отметить работы российских корейцев [5]. Они считали своим долгом рассказать о судьбах своего народа в героический период советской истории. Наряду с ними стали появляться работы и других исследователей, среди которых были Т.А. Лескова, И.В. Нам, А.Т. Кузин и другие [6]. Позже, в период двухтысячных, расширилась тематика исследуемых проблем [7].

В целом, даже очень краткая историографическая характеристика проблемы корейской миграции на советском Дальнем Востоке во вторую половину 1920-х гг. позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей, более широкой проработке всех вопросов этого феномена дальневосточной истории России. Целью статьи является изучение и анализ проблем, связанных с миграцией жителей Корейского полуострова в пределы Дальневосточного края во второй половине 1920-х гг.

Результаты.

Прежде всего, следует отметить специфическую особенность населения ДВК того времени: пестроту национального состава. Подавляющую часть жителей края составляли русские. Однако немалую численность в общем составе населения имели коренные малочисленные народы, украинцы, белорусы, татары, немцы, евреи и другие народы. Изначально, в периоды предшествовавшие революции и Гражданской войны, население дальневосточной окраины формировалось как многонациональное, при главенствующей роли русских. С установлением советской власти, при исполнительных комитетах ДВК были образованы должности уполномоченных по делам национальных меньшинств. Это было оправдано большими проблемами, связанными с вовлечением в советскую жизнь коренных малочисленных народов Севера. Кроме того, другие национальные меньшинства также требовали особенного внимания в обустройстве своей жизни. Наибольшие проблемы для органов новой власти на Дальнем Востоке создавали не местные коренные малочисленные народности, а выходцы из сопредельных стран: Японии, Китая и Кореи. При этом степень

их угрозы для интересов дальневосточной окраины был разным, в зависимости от страны выхода. Японцев было меньше всего, по сравнению с остальными мигрантами. По данным 1923 г. их было 1095 человек, большинство из которых проживало во Владивостоке [8]. Однако эта немногочисленная японская диаспора не делала погоды в проблемах советской власти. Во второй половине 1920-х гг. на советский Дальний Восток ежегодно завозилось свыше 22000 японских рыбаков. Вред от их применения в этой отрасли состоял в том, что они не давали развиваться отечественной рыболовной отрасли за счёт обучения своих специалистов. Количество советских рыбаков составляло мизерное количество от числа японцев. Помимо этого, их наплыв в отрасль лишал страну ежегодного дохода более чем в 1 000 000 руб. золотом [9].

Благодаря настойчивой политике органов советской власти Дальнего Востока, к 1930-м гг. постепенно количество японцев на рыбалках в регионе стало значительно сокращаться [10].

Второй проблемной диаспорой для российского дальнего востока была китайская. До революции на российском Дальнем Востоке проживало не менее 150 000 китайцев, плюс к ним ежегодно прибывало около 110 000 сезонных рабочих [11]. В их руках находились все основные криминальные виды предпринимательства: незаконный оборот спирта, макосеяние и распространение опикурения, подпольные увеселительные заведения, беспощинная торговля и т.д.

Несмотря на то, что в ходе революции и Гражданской войны их количество значительно сократилось до, примерно, 50 000 чел., они продолжали представлять угрозу для теперь уже советской власти [12]. Они не получали российского гражданства, были представлены, в подавляющем большинстве, мужским населением, чьи семьи проживали в Китае. Их присутствие в российском регионе в таком качестве было крайне нежелательно. Эту проблему местные власти решили двумя способами: укреплением государственной границы и выдавливанием иностранцев за пределы РСФСР репрессивными мерами [13].

На фоне японских и китайских мигрантов, корейские выглядели значительно более предпочтительными. Как правило, это были выходцы из территорий Северной Кореи, которые пересекали границу СССР в Хасановском рай-

оне Приморья. Они скрывались от преследований японской жандармерии, переходили границу семьями и селились в сельской местности. Благодаря им, на Юге Приморья появились новые виды сельскохозяйственных культур, территория активно развивалась в сельскохозяйственном направлении.

До 1925 г. органы власти, как в Центре, так и на местах, не обращали особо пристального внимания на корейскую миграцию.

С окончанием восстановительного периода, руководство СССР стало разрабатывать перспективные планы дальнейшего развития страны. Пополнение золотовалютных резервов стало главной целью начала экономического развития СССР. Эти резервы можно было пополнять за счёт торговли высоколиквидными товарами: золотом, ценными мехами, лесом, полезными ископаемыми и т.д.

Дальний Восток, в этом смысле, был кладезем подобных товаров. Но было одно важное препятствие в развитии валютных отраслей его экономики: недостаток рабочей силы. По началу, главным препятствием в разработке научно обоснованных планов переселения стали разногласия в руководстве страны по поводу осуществимости в принципе политики переселения на Дальний Восток.

Обсуждение.

Характерным примером подобных трений является докладная записка Первому секретарю Дальневосточного краевого комитета ВКП (б) Я. Б. Гамарнику от 19 декабря 1927 г. от члена Президиума Переселенческого Комитета при Всеукраинском Центральном Исполнительном Комитете Попова по поводу проблем переселения на Дальний Восток. Он посещал Дальний Восток с целью ознакомления с условиями организации переселенческого дела. Его возмутила крайне неконструктивная позиция старшего консультанта Переселенческого комитета при ЦИК СССР Раджаева. Помимо того, что, по мнению Попова, та скудная литература по перспективам заселения ДВК ставила под сомнение перспективность этого процесса, так ещё и представители центральных органов управления СССР соглашались с этим вредным мнением. Попов сообщает Я. Б. Гамарнику, что Раджаев делает выводы о почти полной невозможности колонизации края из-за его сурового климата и отсутствия пригодных для сельского хозяйства земель. Он приводит слова Раджаева: «Уже 250 лет Россия бьётся над заселением Дальне-Восточного края и почти безрезультатно» [14].

Однозначный вывод, к которому пришёл Попов, это хорошая перспектива для политики переселения в край жителей из других регионов страны. Попов приходит к выводу о том, что главным недостатком мнения Раджапова и ему подобных «экспертов» является чудовищная некомпетентность, опора на устаревшие ещё в прошлом веке сведения о климате и земельном фонде ДВК.

Далее, он сделал весьма важные для перспектив колонизации Дальнего Востока РСФСР выводы.

Во-первых, Дальневосточный край по всем показателям «... несомненно имеет широкие возможности и перспективы как сельско-хозяйственной, так и промышленной колонизации».

Во-вторых, планы переселения 400 тыс., 600 тыс. и даже 1 000000 чел., по его мнению, были занижены [15].

Надо отметить, что труды Попова не пропали даром. В итоге обсуждения нескольких вариантов переселенческих планов, был принят тот, который предусматривал вселить на Дальний Восток в течение 10 лет более 1 000000 человек организованным способом. К этому числу добавлялось ещё почти 500 тыс. человек самостоятельных переселенцев [16].

С началом развёртывания переселенческого дела встал вопрос о земельном колонизационном фонде. Власти на местах в своих оценках количества пригодных для заселения земель опирались на карты и данные ещё дореволюционных переселенческих органов. Однако по прошествии значительного времени, ранее подготовленные к заселению земли вновь заросли лесом, хотя на картах и значились пригодными к земледелию. Финансов и времени на их быструю рекультивацию не было. Ситуация складывалась критическая. Ещё больше её усугублял неконтролируемый самозахват земли корейскими мигрантами. Это стало одним из важных оснований для принятия действенных мер против этой категории населения.

Ещё большей проблемой для советской власти на Дальнем Востоке стала маргинализация корейского населения. Ярким подтверждением этому социальному явлению стала ситуация на Юге советского Приморья. Постоянно пребывающее корейское население создало такую обстановку, когда оно стало представлять абсолютное национальное большинство по отношению к русскому населению. Органы советской власти в этих районах возглавили корейцы.

Отделы милиции состояли из представителей корейского населения. Стали выходить газеты на корейском языке. Не отставала, в этом смысле от прочих, школьная система. Количество корейских школ превысило русские школы. В 1931 г. во Владивостоке на базе Государственного Дальневосточного университета был создан Корейский педагогический институт. Вскоре это привело к проблемам, прежде всего самого корейского населения.

Во-первых, это привело к невозможности социальной, культурной и экономической адаптации корейского населения в общем советском государстве. Уровень школьного образования в корейских школах был настолько низким, что выпускников корейских школ первой ступени не могли принимать русские школы второй ступени. Путь корейской молодёжи к широкому высшему образованию был закрыт. Корейский педагогический институт был единственной формой высшего образования корейского населения. Постепенно сами корейцы стали понимать это и забирать своих детей из корейских школ, делая выбор в пользу русских учебных заведений.

Во-вторых, как уже и отмечалось, земельные отношения между корейцами стали запутанными и вредили уже благополучию их форм хозяйствования.

В-третьих, маргинализация многочисленных групп населения подтачивает государственный суверенитет и грозит серьёзнейшими проблемами органам власти и управления страны. И с этой точки зрения ситуация с корейскими мигрантами становилась более нетерпимой.

Заключение.

Во второй половине 1920-х гг. органы советской власти предприняли попытку решения проблемы неконтролируемой корейской миграции. Она осуществлялась в русле демократической политики и практики межнациональных отношений в СССР, которые были характерны именно для периода 1920-х гг. «Мягкий» план разрешения проблемы заключался в расселении корейцев с южных районов Приморья в пределах всего Юга Дальнего Востока РСФСР. Реализация плана возлагалась, главным образом, на институт Уполномоченных по национальным меньшинствам при органах советской власти. Они должны были проводить разъяснительную политику среди корейского населения с целью побудить их к добровольному переселению в более северные районы региона. Сразу

следует отметить утопичность этого плана. Корейские уполномоченные не могли действовать в ущерб интересам своих земляков, с сочувствием относились к их нежеланию покидать обжитые места.

В августе 1928 г. в Дальневосточный Краевой комитет ВКП (б) поступила докладная записка Уполномоченного по делам национальных меньшинств Дальневосточного Краевого Исполнительного комитета советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов Тяна о состоянии разъяснительной работы среди корейского населения. Он информировал об итогах совещания корейского актива 25-26 июля 1928 г. в г. Владивостоке.

Докладную записку можно разделить, по смыслу, на две неравные части.

В меньшей по объёму части рассказывалось о тех мерах, которые должны были, по мнению властей, стимулировать корейцев к переселению на территории севернее 48 параллели. К ним относились:

- подготовка земель в районах водворения корейцев за счёт государства;
- предоставление переселенческих льгот; выделение специальных денежных ссуд.

Вторая часть документа, значительно большая по объёму, содержала однозначное неприятие корейским населением переселения в более северные районы края. Представители корейского актива говорили об экономической нецелесообразности переселения; неподходящем для корейцев климате в местах нового расселения; недостаточности земельных норм для корейцев, по сравнению с русскими [17].

Тян в своей записке сослался на слабость аргументов за переселение с точки зрения экономической целесообразности. Этим он объяснял неуспешность разъяснительной политики органов советской власти. В этом он был прав, поскольку истинными причинами расселения были не экономические, а политические мотивы. Впрочем, он сам признал главенство политических оснований для переселения корейцев над экономическими. В этой части он предложил, как ему казалось, компромиссное решение. Признавая обоснованность озабоченности властей преимуществом корейского населения в Приморье, он предложил не переселять его, а дожидаться реализации политики массового переселения русского населения из других регионов. По его мнению, оно «разбавит» корейское население и проблема будет решена.

Неприемлемость его плана заключалась в том, что никто в органах власти ДВК не собирался ждать следующие десять лет, ничего не предпринимая.

Итогом политики расселения корейцев с Юга Приморского края севернее 48 параллели стало частичное решение проблемы. Основная часть корейского населения отказалось следовать этому плану. В 1930-е гг. эта проблема была решена посредством укрепления государственной границы и воспрепятствования самовольному переселению корейцев. В 1937 г. практически всё корейское население было депортировано с территории ДВК.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Арсеньев В.К., Титов Е.И. *Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток, 1928; Арсеньев В.К., Титов Е.И. Население, как производительный фактор // Экономика Дальнего Востока. М., 1926. С. 50-77.*
2. Кобозев П.А. *Колонизация Дальнего Востока // Труды Государственного колониального научно-исследовательского института. М, 1924. Т. 1. С. 213-268; Дербер П.Я., Шер М.Л.. Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока. – М.-Л., 1929;*
3. *Народное образование в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 11-12.; Народное просвещение на Дальнем Востоке к 1925/1926 учебному году. Владивосток: Дальфоно,*

1926. 112 с.; Народное просвещение в Дальневосточном крае. 1927/1928 учебный год. Вып. 1 (соцвос). Материалы Всесоюзной школьной переписи 1927 г. и данные текущего обследования 1927-1928 учебного года. Хабаровск- Благовещенск: Издание Далькрайона, 1929. 453 с.

4. Петров А. Корейцы и их значение в экономике Дальневосточного края // Северная Азия. 1929. № 1. С. 45-54.; Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае - Хабаровск-Владивосток 1928; Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск-Владивосток: Книжное дело, 1928. 93 с.;

5. Бэ Ын Гиенг. Краткий очерк истории советских корейцев (1922 — 1938 гг.) / Бэ Ын Гиенг. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 47. ;Пак Б. Д. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев / Б. Д. Пак, Н. Ф. Бугай. — М.: Институт востоковедения РАН, 2004. — С. 28 — 33.

6. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. 320 с.; Лескова Т.А. О положении китайского и корейского населения на юге Дальнего Востока в 2030-е гг. XX в // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. № 3. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. 664 с. С. 371-372.; Нам И.В. Проблема национальных меньшинств в национальной политике Дальневосточной республики // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушиановские чтения. 1998 г.). Владивосток: Дальнаука, 2001. 352 с. С. 135-136; Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: Жизнь и трагедия судьбы. - Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во. Сахалинское отделение. 1993. - 367 с.

7. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. 320 с.; Лескова Т.А. О положении китайского и корейского населения на юге Дальнего Востока в 1930-е гг. XX в // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. № 3. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. 664 с. С. 371-372.; Нам И.В. Проблема национальных меньшинств в национальной политике Дальневосточной республики // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушиановские чтения. 1998 г.). Владивосток: Дальнаука, 2001. 352 с.

8. ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 85. Л. 50.

9. ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 66. Л. 13-15.

10. ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 162. Л. 6.

11. ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

12. ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 85. Л. 50.

13. ГАХК. Ф. 137. Оп. 12. Д. 10. Л. 3.

14. ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 278. Л. 2 об.

15. там же. Л. 11-11об.

16. ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 43. Л. 15.

17. ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 180. Л. 7.

References:

1. Arsenyev V.K., Titov E.I. Life and character of the peoples of the Far Eastern region. Khabarovsk-Vladivostok, 1928; Arsenyev V.K., Titov E.I. Population as a productive factor // Economics of the Far East. M., 1926. pp. 50-77.

2. Kobozev P.A. Colonization of the Far East // Proceedings of the State Colonization Research Institute. M, 1924. Vol. 1. pp. 213-268; Derber P.Ya., Sher M.L.. Essays on the economic life of the Far East. - M.-L., 1929;

3. Public education in Primorye // The economic life of the Pri-morye. 1924. No. 11-12.; Public education in the Far East by the 1925-1926 academic year. Vladivostok: Dalono, 1926. 112 p.; National enlightenment in the Far Eastern Region. The academic year is 1927-1928. Issue 1 (social security). Materials of the All-Union School Census of 1927 and data from the current 1927-1928 academic year. Khabarovsk- Blagoveshchensk: Dalkrayono Edition, 1929. 453 p.

4. Petrov A. Koreans and their importance in the economy of the Far Eastern region // North Asia. 1929. No. 1. pp. 45-54.; Anosov S.D. Koreans in the Ussuri territory - Khabarovsk-Vladivostok 1928; Anosov S.D. Koreans in the Ussuri territory. Khabarovsk-Vladivostok: Book business, 1928. 93 p.;

5. Bae Eun Gieng. A brief sketch of the history of Soviet Koreans (1922-1938) / Bae Eun Gieng. — Moscow: Publishing House of Moscow. Unita, 2001. — S. 47. ;Pak B. D. 140 years in Russia. An essay on

the history of Russian Koreans / B. D. Park, N. F. Bu-gai. — M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2004. — pp. 28-33.

6. *Koreans in the Russian Far East (1917-1923): documents and materials. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2004. 320 p.; Leskova T.A. On the situation of the Chinese and Korean population in the south of the Far East in the 2030s of the XX century // Russia and China on the Far Eastern borders. No. 3. Blagoveshchensk: Publishing House of the AmSU, 2002. 664 p. 371-372.; Nam I.V. The problem of national minorities in the national policy of the Far-Eastern Republic // Far East of Russia: historical experience and ways of regional development (The First Krushanov readings. 1998). Vladivostok: Dalnauka, 2001. 352 p. Pp. 135-136; Kuzin A. T. Far Eastern Koreans: Life and the tragedy of fate. Yuzhno-Sakhalinsk: Far Eastern Book Publishing House. Sakhalin branch. 1993. - 367 p.*

7. *Koreans in the Russian Far East (1917-1923): documents and materials. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2004. 320 p.; Leskova T.A. On the situation of the Chinese and Korean population in the south of the Far East in the 1930s of the XX century // Russia and China on the Far Eastern frontiers. No. 3. Blagoveshchensk: Publishing House of the AmSU, 2002. 664 p. 371-372.; Nam I.V. The problem of national minorities in the national policy of the Far-Eastern Republic // Far East of Russia: historical experience and ways of regional development (The First Krushanov readings. 1998). Vladivostok: Dalnauka, 2001. 352 p.*

8. ГАНК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 85. Л. 50.

9. ГАНК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 66. Л. 13-15.

10. ГАНК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 162. Л. 6.

11. ГАНК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

12. ГАНК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 85. Л. 50.

13. ГАНК. Ф. 137. Оп. 12. Д. 10. Л. 3.

14. ГАНК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 278. Л. 2 vol.

15. *ibid.* л. 11-11об.

16. ГАНК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 43. Л. 15.

17. ГАНК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 180. Л. 7.

Информация об авторе:

Пикалов Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, profiyur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3772-8930>

Yuri V. Pikalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Pacific State University, Khabarovsk, Russia.